

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

ВРЕМЯ ОНО

ЖИХАРЬ
И К^о

Михаил Успенский

Время оно

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Успенский М.

Время оно / М. Успенский — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-89-000419-7

Самое сложное для богатырей, оказывается, — не одержать, а удержать победу. Потому что вернулся наш Жихарь после дальнего похода против олицетворения мирового зла — Мироеда, прогнал прочь князя Жупела Кипящую серу, да и засел в кабаке победу обмывать. А поскольку желающих выпить чарку-другую с храбрецом, почти уже многоборским князем, было очень много, то победный пирок, мягко говоря, подзатянулся. Да так, что дабы рассчитаться с кабатчиком за всё съеденное-выпитое, пришлось отдать ему всю свою славу про подвиги совершённые. Вот и приходится Жихарю всё с начала начинать...

ISBN 978-0-89-000419-7

© Успенский М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Успенский

Время Оно

Часть первая

Глава первая

Не упускайте случая делать добро – если это не грозит вам большим ущербом. Не упускайте случая выпить – ни при каких обстоятельствах.

Марк Твен

Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Эрнест Хемингуэй

От всего богатства осталась одна монетка, да и та с утра начала вести себя как-то странно. – Вот оно что! – догадался Жихарь. – Деньга сама на ребро становится – в кабак торопится! Нужно за ней спешить, чтобы не чужой человек пропил. Не зря слово «кабак» читается и пишется в обе стороны одинаково: попасть туда несложно, а выйти нелегко.

... Богатырь вернулся в родное Многоборье к осени, когда собирают урожай, ставят медовуху и учиняют свадьбы. Далеко впереди него бежала грозная слава победителя, разорителя и полководца. Славу разносили совершенно за бесплатно и говорящие птицы, и немногословные бродяги, и добросовестные лазутчики, и безответственные болтуны, и базарные торговки, и заслуживающие всяческого доверия мудрецы.

Потому что возвращался не прежний рыжий Жихарка, ввергнутый жестоким князем Жупелом в Бессудную Яму за дерзость, а овеванный легендами Джихар Многоборец, прошедший с боями и драками чужие земли, достигший пределов света и там покоривший своей воле Мирового Змея. Знато было уже и о том, какое позорное поражение нанес богатырь самому Мироеду, какой страшной ценой добыл он Полуденную Росу и каким образом сделался приемником Святогоровой силы.

Рассказывали громким шепотом и о соратниках ужасного Джихара – королевиче Яр-Туре и Чайной Страны человеке Лю, которые были непобедимыми воинами и умелыми чародеями. Их в Столенграде почему-то особенно опасались – люди пришлые, им чужая жизнь дешевле грошика. А когда вспоминали петуха Будимира, то тут же прикусывали языки и тыкали пальцами в самое солнышко.

Князь Жупел на вид общим страхам не поддавался, велел рубить в лесах засеки, ставить на дорогах заставы, сооружать ложные постоянные дворы с ядовитой брагой. Начали наспех возводить вокруг Столенграда новый часток, мысля успеть до прихода непобедимого воинства.

Но богатырь вернулся один.

Джихар Многоборец благополучно миновал все пакостные засады, поскольку шел не прямой дорогой, а по известным ему с детства лесным тропам, и внезапным было его появление перед городскими воротами.

Оттого что был Жихарь один, стало еще страшнее.

И шел он босиком, перебросив связанные сапоги через плечо.

И песню пел он лютую, вгонявшую в холодный пот:

Гуси-лебеди летели,
Кулика уесть хотели.
Не уешьте кулика —
Кулик бедный сирота.
Скоро все узнают в школе,
Как несчастный тот кулик
Вопреки враждебной воле
Стал разумен и велик.
И теперь он лебедей
Не считает за людей,
Он врагов, как траву, валит
Да свое болото хвалит:
«Здравствуй, милое болото!
Я вернулся из полета,
Видел горы и леса,
Ерунду и чудеса.
Славен силой молодецкой,
Всюду лез я на рожон.
Видел берег я турецкий,
Только мне он не нужен.
Бил я крупну дичь и мелку,
Бил иные племена.
Видел Африку-земельку —
И она мне не нужна!
А нужна моя трясина.
Так встречай родного сына!
Ты у нас ведь хоть куда —
Не земля и не вода.
Здравствуй, древняя лягушка
Бедной юности моей.
Выпьем с горя! Где же кружка?
Кто разбил ее, злодей?
Я ему, тому злодею,
Буду долго мылить шею,
И с набитою сумой
Ворочуся я домой.
После нового рожденья
Я вернулся полон сил.
Тот не знает наслажденья,
Кто врагу не отомстил!»

Даже ежу было понятно, что в первых строках своей песни герой сравнивает себя с куликом, а под гусями-лебедями подразумевает многочисленных врагов и недоброжелателей. Поэтому еж встревожился и поспешил убраться с дороги.

Стражники-привратники потом приврали, что пытались пришельца сечь мечами и колоть копьями, но мечи об него ломались, а копья отскакивали.

На самом деле никто на такое не отважился – ведь богатырь был вовсе без оружия. Стало быть, охраняют его такие сильные чары, что лучше уж не пытаться судьбу себе на погибель.

Жихарь остановился у ворот, отогнал грозным оком стражников, легко потянул ворота на себя, отчего балка-засов с другой стороны с сухим треском переломилась. Богатырь поочередно снял обе створки с петель, оттащил в стороны и бережно прислонил к столбам-вереям.

Путь в Столенград был открыт.

Князь Жупел давно надоел всем хуже горькой редьки, но все не выпадало многоборцам случая с ним посчитаться. А теперь за Жихарем потянулись какие-то неведомые подзаборные молодцы, они начали кричать про князя всякие гадкие, но правдивые слова. Потом и остальной народ услышал в себе силы великие, обиду лютую, ярость благородную, гнев праведный и прочие полагающиеся при мятеже и смуте чувства.

Сразу, не дожидаясь, чем закончится толковище с князем, принялись за спиной Жихаря грабить богатые терема.

Князь Жупел без толку метался по своей светлице. Самый лучший его боец – варяг Нурдаль Кожаный Мешок – незадолго до этого убрался в северные свои свояси, не простившись и даже не спросив положенного жалованья. Слуги, один за другим посылаемые Жупелом за дружиной, назад не возвращались, и никто не мог доложить владыке, что верная дружина уже давно покинула город и расположилась под речным берегом, на всякий случай ладя плоты для бегства. Дружина ведь тоже перед Жихарем провинилась – мало того, что никто не заступился за боевого товарища, так еще сами же его повязали и в Яму кинули на верную смерть.

Место старого варяга близ князя занял другой пришлый вояка – Дерижора, по прозвищу Подержи Мой Тулуп. Дитина был здоровый, дородный, чернобородый и черноглазый, он пришел на службу из далекого приморского города, где, видно, здорово провинился перед властями. Дерижора никого не боялся, был весел и шумлив, людей сильно не обижал, но в переулке после заката было ему лучше не попадаться: оставит без всего да еще пошутит про это. На щите этого чуженина изображен был родовой знак: в лазоревом поле семь сорок. Должно быть, по причине болтливости.

Про Жихаря Дерижора только слышал слухом, но рассказам не верил, поскольку и сам был горазд на выдумки. Когда у княжьего крыльца поднялся шум, Дерижора нехотя встал с лежанки, велел напарнику подержать тулуп и вразвалочку вышел на крыльцо.

Богатыри долго стояли друг против друга – один наверху, другой внизу. Потом Дерижора все-таки сошел вниз – ему мечталось поскорее покончить с этой докукой и вернуться на лежанку досматривать сон о родном городе с белокаменной лестницей до самого моря. Но даже на земле превышал он Жихаря на голову.

– Ты Соломону Давидычу не родня приходишься? – спросил Жихарь. – А то похож. Не дело выйдет, если я тебя обижу: мы с премудрым царем из одного котелка ели, одним плащом укрывались.

– Делай ноги, – посоветовал Дерижора. – А то будет такое, шо это немислимо. Ой, шо будет, шо будет!

– А что будет? – удивился богатырь.

– А станут тебя повсюду искать, да не найдут, и мамочка заплачет...

– Не родня, – решил Жихарь. – Тот был премудрый, а ты, гляжу, преглупый. За чужого дядю голову подставляешь. Дай пути, не доводи до худого.

– Лучше сделай так, шоб я тебя не видел, – сказал Дерижора Подержи Мой Тулуп.

– А, это можно, – охотно согласился Жихарь. Он за спиной соорудил из указательного и безымянного пальцев нехитрую рогульку и рогулькой этой ткнул князьему заступнику в черные печальные глаза.

Дерижора возопил и схватился руками за лицо.

– Глаз не бабья снасть, проморгается, – утешил его богатырь, потом легонько плечом устранил с пути и побежал в терем.

На лестнице никакой стражи не было вовсе, и в княжескую светлицу богатырь ворвался невозбранно, но тут в нос ему шибанула страшная вонь, будто не ко владыке Многоборья Жихарь пожаловал, а в несчастное село, где погуляла Коровья Смерть.

Князь Жупел Кипучая Сера лежал на столе в небольшом гробу, скрестив на груди связанные на всякий случай тряпицей ручки. Личико у князя стало от смерти желтенькое, носик востренький, даже жалко было смотреть постороннему человеку, незнакомому, на свое счастье, с Жупелом.

Над гробом, преодолевая смрад, убивалась княгиня Апсурда. Она слегка колотилась покатым лобиком о край домовины и задавала воющим голосом покойнику напрасные и безответные вопросы: на кого именно он ее покинул и чего ему на белом свете не хватало.

По лавкам вдоль стен светлицы сидели ближние слуги, премудрые советники и просто непрременные при всяком похоронном деле старички и старушки. Когда вдовствующая княгиня особенно высоко забирала голосом, они помогали ей таким же воем.

– Доигрался, подлец, – разочарованно проворчал Жихарь. – Не только околеть успел, но и провонять удосужился...

Но только Жихарь был уже не тот. Много чего он в своих странствиях насмотрелся, много чего наслышался. Прищемил себе богатырь ноздри пальцами и не побрезговал склониться над мертвецом.

– Так, – сказал он громко. – Не обессудь, скорбная вдовица, а только придется муженьку твоему допрежь похорон вбить в белые груди осиновый кол, чтобы не вздумал за гробом баловаться...

Скорбная вдовица завывала громче прежнего, а сочувственники подхватили. Княжий советник Корепан, седой и на вид благообразный даже, кашлянул и сказал осторожно:

– Не дело задумал, ваше богатырство. Он же все-таки князь, и хоронить его надо по-княжески, тризну справить...

– Ладно, – прогундосил Жихарь. – Ради княгинюшкиного спокойствия не будем ему кола втыкать, похороним по-княжески: выроем преглубокую яму, заколем коня любимого, слуг верных туда же метнем. Он ведь и в Костяных Лесах без советника, например, не обойдется...

Верные слуги и соратники покойного мигом устали завывать по князю и заголосили по себе в том смысле, что верные-то они верные, но не до такой же степени!

– О какие вы! – сказал Жихарь. – Лукавые да вероломные! Да уж каких заслужил! Добро, не будем людей зря трудить, курган насыпать. А поступим так, как в жарких странах за Зимними Горами делают. Сам видел на обратном пути предивный обычай в тех краях. Когда помирает ихний раджа – это вроде князя, только мелкий да чернявый, – то складывают высокую и просторную поленницу из духовитых смоляных дров, помещают покойника в белом свивальнике на вершину, потом хором плачут и факел подносят. А любимая жена раджи (жен они, против нашего, по многу держат) доброй волею на тот костер восходит и в огне за мужем следует... Тут и честь, и верность, и добрым людям польза: все иные бабы острастку получают и, бывает, целый месяц после того мужьям не перечат. Так особая книга велит, «Камасутра» называется...

Про книгу он, конечно, приврал, поскольку прочитать ее не смог, а любовался одними картинками. На картинках же никаких костров вовсе не было...

– Еще чего! – заорала вдовица, и слезы у нее тут же высохли, как вода на раскаленной плите. – Я к батюшке своему гонца послала, он сюда войско приведет и всех вас казнит за меня!

– Ой, – испугался Жихарь. – Не надо нам сейчас войны, учиним по-другому. Нужно у покойника вынуть черева и мозги – я покажу, как это делается, – да и засушить на веки вечные...

– Ты бы ушел отсюда, ваше богатырство, – мягко сказал Корепан. – Дай уж нам с владыкой по-своему попрощаться, похороним и без тебя...

– Ага, – сказал Жихарь. – Знаю я вас, догадываюсь... Тогда вот что. Похороним его бесчестно, словно приبلудного бродягу, каковым он и был... А гроб для приличного человека сэкономим!

С этими словами богатырь отодвинул княгиню от ложа скорби, поднял гроб и вытряхнул князя Жупела на выскобленные добела доски пола. Вместе с князем полетели на пол и куски тухлой рыбы.

Жупел не успел выставить вперед спутанные руки, больно ударился, ожил и завопил.

– Вот каков я могучий чародей! – похвалился Жихарь. – Мертвых подымаю, верной жене супруга усопшего возвращаю! Правда, ненадолго. Вставай, притворенный, судить тебя будем!

Жупел Кипучая Сера кое-как поднялся, путаясь в просторных смертных одеждах.

– Суди-ить? – прошипел он, и костяной гребень на княжеской голове даже покраснел от злости. – Да кто тебе право дал меня судить? Я всенародный избранник, а ты – беглец да изгой! Я на тебя жаловаться буду – сам знаешь кому.

– Знаю, – сказал Жихарь. – Не первый день живу. Что ж, отправлю тебя к твоему заступнику, там друг дружке на меня и жалуйтесь – легче будет...

И занес кулак над княжеской головой. Кулак и голова были одного размера.

Бывший покойник как-то умудрился уклониться от рокового удара, извернулся и, сшибив по пути княгиню Апсурду, рванулся к выходу.

Жихарь гулко затопал вдогонку. Жупел кубарем скатился с лестницы, надеясь обрести защиту у наемника Дерижора, но тому было не до хозяина: заезжий молодец с большим трудом отбивался выдернутым из плетня колом от наседавших на него многоборцев.

– Прекратить, – на бегу приказал Жихарь. Князь выскочил с подворья и устремился в город. Перебирал он коротенькими ножками столь быстро и резво, что даже подзаборные молодцы на миг прекратили грабежи, чтобы полюбоваться погоней. Подставить беглецу ножку никто, впрочем, не догадался или не посмел.

– А-а, вон что ты задумал! – просопел Жихарь, свернул в сторону и полез через плетни и заборы, чтобы перехватить Жупела. Но за время богатырского отсутствия в Столенграде произошли кое-какие перемены: на месте пруда возникли огороды, а на месте прежних огородов выкопали пруд, и пришлось его пересекать – где по грудь, а где и по маковку.

Хитрый князь поспел раньше к тому месту, куда стремился. Это, понятное дело, была все та же неистребимая лужа напротив постоянного двора старого Быни, откуда в свое время Жупел вышел, чтобы княжить над Многоборьем.

Лужа была неглубокая, но князь нырнул в нее с разбега, как в омут, – только полетели в стороны брызги грязи пополам с зелеными ошметками тины, да круги разошлись и сразу пропали.

Жихарь утер мокрым рукавом лицо:

– Все-таки сбежал к Мироеду под культяпую руку, подлая душа! Ничего, еще встретимся...

Он отошел от лужи, приблизился к постоянному двору и сел на крыльцо, чтобы маленько обсохнуть после неожиданного купания.

Тут в конце улицы возник наемник Дерижора. Кол он уже бросил и теперь надеялся единственно на ноги. Ограбленные им жители с улюлюканьем нагоняли его.

– Расхрабрились – сотня на одного! – возмутился богатырь и поднялся с крыльца. – Что-то раньше такими храбрыми не были! Завели себе обычай – богатырей бить! Не дам чужинца в обиду.

Дерижора добежал до постоянного двора, обнял руками столб коновязи и стал отдыхать. Преследователи остановились в нескольких шагах.

– Вот так-то, – сказал Жихарь. – Не бойтесь: зла ни на кого не держу. А с тобой, друг любезный, зайдем-ка мы в кабак. Тебе на посошок выпить надо, а мне за возвращеньце. Всех зову, какие желают. И за дружиной сбегайте, всех прощаю на радостях...

С этими словами богатырь достал из штанов мокрый, но туго набитый кошель.

– Золото не киснет, не ржавеет! – объявил он и шагнул за порог.

...Ой не зря слово «кабак» читается и пишется в обе стороны одинаково...

Глава вторая

И уж Алиса-то отлично помнила, что если выпьешь слишком много из бутылки, на которой нарисованы череп и кости и написано «Яд!», то почти наверняка тебе не поздоровится (то есть состояние твоего здоровья может ухудшиться).

Льюис Кэрролл

«Жаль, что ваджра моя, Золотая Ложка, в пучину морскую канула, – рассуждал Жихарь, глядя на последнюю денежку. – А то я бы с ее помощью деньги приумножил и еще погулял...»

Лю Седьмой, правда, утешал богатыря, что чудесный жезл Жуй имеет свойство возвращаться к прежнему хозяину, – правда, в ином обличье и с другими свойствами. На обратном пути Жихарь на всякий случай подбирал с дороги разные диковинные предметы, но ни один из них чудес не творил и с ваджрой близко не лежал.

– Последнюю денежку пропью – и стану княжить! – провозгласил Жихарь и бросил золотой на прилавок.

На звон золота из-под столов и лавок начали выползать различные люди. Оставалось их, правда, уже немного, не сравнить с первыми днями. Поредело застольное воинство: иные совсем опились, иные заболели, иных утащили по домам жены, матери и сестры. А уж и пито было! Пока провожали заезжего Дерижору, прикончили весь кабацкий припас. Даже до пивного сула добрались.

На постоялом дворе и в кабаке нынче вершил все дела не старый Быня, а совсем новый человек по имени Невзор, прозванный так то ли за невзрачный вид, то ли за пустоглазие. Сам Невзор в жизни ни разу не пригубил зелена вина и разбирался в нем из рук вон плохо. Напокупает, бывало, у проезжего торговца заморских напитков, а они либо кислые, либо приторные, либо прямая сивуха – только что бочонки яркие и нарядные. Еще он был известен тем, что в лихую военную годину, когда поднималась не только вся дружина, но и прочий люд, притворялся спятившим и оставался дома, покуда не проходила гроза.

В этот раз пришлось Невзору посылать за вином по деревням и хуторам, собирать где только можно, – ведь не каждый день кабатчику идет такая удача. В зелено вино он еще сыпал дурманный лист и жалел, что летом заготовил мало этой отравы.

За гульбой Жихарю недосуг было даже позаботиться о добром жилье – ночевал либо у вдовушек (при Жупеловом правлении их много стало), либо тут же, на постоялом дворе. Каждое утро, едва продрал глаза, собирался он пойти на княжий двор, чтобы распорядиться властью, но всякий раз находилась добрая душа, услужливо подносила ковшик для поправки, и все начиналось сызнова.

Сопьяницы с разинутыми ртами слушали рассказы богатыря об иных землях и народах. При этом они не забывали плескать во рты дармовое угощение. Ковши непременно опорожнялись до самого доньшка, чтобы зла не оставлять. А зло все равно оставалось.

Княгиня Апсурда (не воевать же с бабой!) забрала из княжьего терема все свое приданое, а вернее сказать – выгребла терем под метелочку, нагрестила семь возов всякого добра и поехала, оскорбленная, к бабушке.

– Дурак ты, Жихарь, – говорили самые трезвые из сотрапезников. – Ты бы лучше на ней женился. Ведь муж княгини кто? Ясное дело, князь. Тут уж никто не возразит, а то начнут всякие препоны ставить...

– Передо мной не то что препоны – целое море на уши ставили, и то преодолел! – отвечал Жихарь. – А на Апсурде я Мироеда культяпого силком женю, когда поймаю. Если он ей сам сразу голову не откусит, то недолго протянет...

– Воля твоя... – отвечали ему, потому что другой воли в Столенграде пока не было. И оттого там творились всяческие непотребства.

Подзаборные молодцы заглядывали в кабак наскоками, быстро опорожняли поднесенную щедрым Жихарем посуду и спешили вершить свое привычное дело: лазить по чужим клетям и сараям обижать девок и мальцов, пускать красного петуха.

Время от времени слухи о непотребствах доходили до богатыря, он вставал с лавки, брал подходящую оглоблю и бежал чинить свой правый суд, да не всегда успевал добежать. Часто от его вмешательства становилось еще хуже.

– Чего-то я не то делаю, неправильно живу, – говорил Жихарь, обхватив рыжую голову.

– А вот ты маленечко выпей, и станет правильно! Ты ведь нынче князь! Кому же еще престол доверим?

– Уйду я от вас совсем – подвигов искать! – тосковал богатырь. Но ведь и для этого следовало сперва проспаться, сходить в баню и переодеться во все хорошее и новое. Да и не ходит никто за подвигами в такое-то время – потому что набитого золотом кошель хватало как раз до белых мух.

– Только теперь уж, друзья любезные, не обижайтесь, – сказал Жихарь и пальцем вытащил из ковша захмелевшего сверчка. – Править буду строго. И не вздумайте ко мне за побрякушками соваться – вместе, мол, пили. Я в своих странствиях с кем только не пил – и со славными героями, и с побирушками, и с бонжурским царем, и с испанским королем. Тот, помнится, все женить меня хотел. Да вот беда: я-то один, а дочерей у него две. Одну зовут Началита, а другую – Кончита. Обе красавицы, хоть разорвись. Одну приголубишь – другая от тоски зачахнет. А то и ножиком пырнет – девки там горячие. Это я к тому, что, если все мой собутыльники соберутся, в Многоборье и земли под пашню не останется. Так что знайте. А то ко мне по ночам уже стали являться мои побратимы: глядят с укором и пальцем грозятся. Ну да ничего. Вот сейчас опростаю остатнюю чашу и за дело возьмусь...

– Так ведь княжеская казна еще не тронута, – подсказал кто-то.

– Чего? – заревел Жихарь, и подсказчик спрятался под стол. – Княжескую казну употребим не на пропой, а на дело. Начнем, к примеру, копать глубокую канаву от реки до самого Соленого моря. Небось Яр-Тур мой там уже всю царствует. Будем торговать, на кораблицах плавать... Бороды дружно побреем, за морем бород уже не носят... Каменные дома воздвигнем небывалой высоты... Голубей станем гонять, змеев запускать... Да что там змеев! Я и сам способ летать придумал! Сошьют наши бабы громадный кубарь из тонкого шелка, наполним его горячим дымом и улетим далеко-далеко...

Сопьяницы разом вздохнули и разом же с тоской поглядели на закопченную стену кабака, словно там и была неоглядная даль.

С каждым новым ковшом даль становилась все неогляднее, каменные дома – все выше, а канава до Соленого моря – все шире и глубже.

– Человек не скотина, мечту мечтать должен, – наставительно сказал Жихарь. И понял, что слова-то правильные, а место здесь для них не самое подходящее.

Он вдруг внезапно протрезвел, поглядел на невытертую столешницу, на рыбы да мясные кости и подумал: «Вот и все мое княжение – до кабацкого порога...»

– За вином опять посылать придется, – проворчал из глубины кабака Невзор. – Уже всем кланялся – и отбывальцам, и простолобам. Вино нынче в цене – люди свадьбы начинают справлять. А ежели деньги кончились, так у меня же и займи. Князем заделаешься, тогда отдашь. И лихву-то возьму небольшую: за десять золотых вернешь дюжину, и все дела.

– И правда, Жихарь, – донеслось из-под стола. – К чему жалеть Жупелово добро? Оно нашими кровью и потом нажито...

– Да ты в жизни винища-то куда больше, чем пота и крови, пролил, – сказал Жихарь, но задумался. В самом деле, зима долгая, снега падут глубокие...

– И то, – решил он. – Согласен.

– А долг станем складчиной отдавать! – хором вскричали все застольники. В этот миг они чистосердечно полагали, что так все оно и будет.

– Вот за что я вас люблю, – чуть не зарыдал богатырь. – Велите звать песенников, гуляров, а красным девицам да детишкам – пряников от пуза!

Весть о том, что Жихарь Избавитель пошел на второй заход, разошлась по Столенграду быстро, как пожар.

Справный хозяин откладывал шило, вешал недочиненную сбрую на гвоздь и накидывал на плечи полушубок. «Не вопите, не на битву собираюсь!» – одергивал он жену и детей и выходил на улицу.

Кузнецы и оружейники тоже чувствовали, что молот им стал неподъемно тяжел, быстро смывали с себя сажу и копоть, снимали кожаные фартуки.

Мастеровой народ вслед за богатырем успокаивал себя тем, что зима долгая, а снега глубокие и много чего еще за эту зиму можно переделать; Жихарь же гуляет не всякий год.

В дружине кое-какой порядок все еще держался – почти все вернулись к службе. Но ради такого случая можно было сделать и послабление. «Вот сейчас падут снега на черную грязь – к вам вообще никто не пролезет!» – рассуждали воины, слагая с себя броню, оружие и обязанности. Засапожные ножи, впрочем, оставляли – все-таки в кабак шли, где по-всякому может повернуться.

Даже те, что несли стражу при городских воротах, потребовали себе пряников и чем те пряники запить.

И столько народищу собралось на постоялом дворе, что решили праздновать на вольном воздухе под навесом – благо настоящих морозов еще не было.

«Пока не князь, а гуляю не хуже», – похвалил себя Жихарь, оглядев двор. Зазвенели гусли, загудели гудки, засопели сопелки – песенники возрадовались повторному заработку.

Никто и не заметил, как в открытые ворота въехал всадник на вороном коне. Был тот всадник высок и статен, облачен в золоченые латы, хотя ни меча, ни копья при нем не было.

Всадник уже спешил и закинул удила своего жеребца на коновязь, когда на него налетел кувыркавшийся хмельной скоморох, от души обругал и тут же полетел дальше – потому что незванный гость поддел скомороха тяжелым сапогом.

На шум иные обернулись и, поскольку были еще в себе и в уме, встревожились: не злую ли весть принес незванный гость, не решились ли коварные соседи на дерзкий зимний набег, не поднялся ли из праха и ничтожества разгромленный еще дедами и прадедами Черный Нал...

– Моему потребен сэр Джихар Золотая Ложка, – объявил незнакомец, а голос его перекрыл и звончатые гусли, и скомороший похабный визг.

– Кажись, тебя, княже! – польстил щедрому Избавителю пнутый скоморох.

– Князь не князь, – сказал Жихарь, вставая, – а сэр Джихар буду я.

Незнакомец почтительно склонился. Лицо у него было длинное, что у коня, но не вороное, а, напротив, бледное-бледное – словно вырос он в погребе, где ни солнца, ни ветра.

– Вы уже есть сэр Джихар или только будет ему через некое времени? – уточнил незнакомец.

– Да Джихар я, Джихар, – сказал богатырь. – Разве не видно?

– Так есть, – сказал незнакомец. – Отнюдь я есть сэр Мордред, племянник короля логров. Мой лорд есть вам неродной брат. Эрго, я есть вам неродной племянник.

Жихарь внимательно поглядел на нежданного племяша через мутный глаз.

– Да уж, – сказал он наконец. – Умеет братка имена давать. Точно что Мордред – краше в гроб кладут.

– Как раз именно такой и кладут, – сказал Мордред и вроде бы еще побледнел, хотя бледнеть было уже некуда. – Мой лорд, повелитель Карлиона, Лотиана и Оркнея, властелин

Белых Скал и Четырех Битлов, высокий хозяин замка Камелот, передавал посредством меня свой привет свой неродной брат, послание тайными рунами и подарок.

– Гостю – честь и место! – распорядился Жихарь. Мало ли у кого какое лицо! Главное – весточку привез от Яр-Тура.

Гуляки расступились и пропустили сэра Мордредра во главу стола. Жихарь приглашающе хлопнул по лавке:

– Садись, племянник названный! Сам видишь – гуляем.

– Грамоту бы верительную у него спросить, – сказал кузнец Окул по прозвищу Вязовый Лоб (в питье он был единственный Жихаря достойный супротивник). – Мало ли что...

– Побратим с худым не придет. Да и конь у него не простой, сразу видно – королевских конюшен, – сказал богатырь и зачерпнул из бочонка ковшом. – Первым делом прими, воин, с устатку.

Бледный сэр с большой тревогой поглядел на ковш, потом решился, выпил до дна – и долгое лицо его покрыла совсем уже снежная белизна.

– А вот капустки, – сказал Жихарь. – Оно и отойдет. Ты ешь, подкрепляйся, а я пока весточку от любезного брата изучу...

– Не годяет, – сказал сэр Мордред. – Таковое послание не читаемо публично, когда гуляем. Печать короля не залита вином.

– Понял, – сказал Жихарь. – Верные твои слова. Руны тайные – значит, и дело тайное. Вот проспимся, на свежую голову и почитаем.

– Истина, – сказал сэр Мордред, принимаясь за окорок. Окорок был сочный, свежий, но на лице гостя это никак не отразилось – он словно сено жевал.

– Ну и как у вас там? – спросил Жихарь. – Круглый Стол соорудили, как я велел?

– Истина, – сказал сэр Мордред, племянник. – И один кресло становится всегда пустой. Никакой не может его занимать. Оно для неродной брат короля, оно ждать сэра Джихар Голдспун. Который сядет туда – умрет смертью.

– Вот налажу здешнюю жизнь, тогда, может, и приеду, – сказал богатырь.

– Ты наладить, – согласился сэр Мордред. – Тебя лучше нет наладить.

– Вот видишь – ожил, повеселел, – обрадовался Жихарь.

Пир пошел своим чередом. Песни петь стали уже все – и скоморохи, и мастеровые, и дружинники. Пели в основном веселое, только лучники затаили было свою жалостную, протяжную – «Ой вы, братцы, вы брательники, не стреляйте вы друг в дружку-то», но им запретили портить добрым людям праздник.

Сэр Мордред пытался даже подпевать, а потом хлопнул себя по белому лбу и вытащил из-за пазухи небольшую бутылку черного стекла. Он не стал отбивать горлышко, как принято у людей благородных, а долго и скаречно извлекал пробку.

– Вот, – сказал он. – Это есть эликсир Мерлина. Ему на три больших глотка. Первое глотко пить сэр Джихар. Второе глотко пить чайный мудрец. Третье глотко пить сам король. Тогда будет один душа или дух. Мой лорд велел так. Такой порядок.

– Как бы все не выхлебать по нечаянности, – вздохнул Жихарь, взял побратимов дар и запрокинул малый сосуд. Влага в нем была крепкая и душистая, вроде памятной Мозголомной Браги.

Сэр Мордред бережно принял бутылку назад, заткнул пробку и схоронил сосуд на прежнее место.

– Так ты и к почтенному Лю собираешься? – спросил богатырь, отдышавшись. – Не ближний свет! Куда ты поедешь без саней, без дорог? Зимуй у нас, а уж по весне, как просохнет...

– Там станем поглядывать, – сказал сэр Мордред.

И с новой силой замелькали ковши, забегали миски, полетели под столы кости, а песенники припомнили уж такие древние и оттого бесстыдные песни, что на отдаленных окраинах Столенграда ни с того ни с сего начали краснеть молодицы.

Даже посланник Яр-Тура вдруг разгорячился до того, что выхватил у гусяра его инструмент, вышел на середину и приказал скоморохам бить в бубны часто-часто. Гусли он взял наперевес и завел, раскачиваясь, неведомую в здешних местах песню. Голос у гостя был хриплый, а песня – свирепая, хоть и не боевая.

«А где-то я его видел, – вдруг подумал Жихарь. – Ну не его, а кого-то похожего... Что-то мне вспоминается, это еще до Мироеда было... – Удары бубна становились все чаще, но не поднимали в пляску, а усыпляли. – Да, точно... Она еще сестрой Яр-Тура назвалась, бледная такая же... Племянник, значит... А может, он и не племянник... То есть побратиму племянник, а мне...»

– Жихарь, а ведь он про Черный Шабаш поет, – сказал Окул Вязовый Лоб. Кузнец ремеслу своему учился в дальних землях и многое повидал. Но Жихарь его уже не слышал, положив голову на стол.

– Смотри-ка – сегодня моя взяла! – обрадовался Окул и сразу забыл про страшную песню.

Потом зажгли факелы, потому что стемнело, веселились при огне, про Жихаря уже не вспоминали.

Утром проснулись кто где – кто в родной избе на печи, кто в сенях (если жена в избу не пустила), кто на полу кабака.

Один Жихарь не проснулся.

Его трясли, обливали водой, били по щекам, давали нюхать тлеющий трут – лежал колода колодой, глаз не открывал, дышал редко и неглубоко.

Окул впору вспомнил про гостя и его бутылочку.

– Опоил, гнида, – сказал кузнец. – Ну, держись теперь...

Но уже не было на постоялом дворе никакого бледного сэра Мордредра, лишь под лавкой, где он сидел, растекалась лужа зеленого вина, в котором валялись ломти окорока, шматки капусты и прочих немудрящих угощений словно все съеденное и выпитое мрачным гостем проваливалось и сквозь него, и сквозь лавку.

И вороного коня тоже не было: на коновязи в уздечке билась какая-то мелкая тварь. Не крыса и не жаба, а все равно противно.

И следов копыт на первом снегу не было – ни к воротам, ни от ворот.

Глава третья

*Хорошие люди после смерти попадут в США, а плохие – в Сомали.
Услышано в очереди*

... Жихарь оглянулся через левое плечо. Там было все по-прежнему: рыжая башка богатыря лежала на столе, вокруг быстро-быстро бегали люди, тащили на стол бочонки и кувшины, мгновенно их опоражничали.

Жихарь оглянулся через правое плечо. Сзади была полная, непроницаемая тьма.

Богатырь хотел вздохнуть поглубже, но было нечем. Вернее, стало все равно – дышать или не дышать.

Впереди, в серых сумерках, покачивался в седле посланец побратима. Жихарь ускорил шаг и, как ему показалось, поплыл над землей, изредка отталкиваясь от нее сапогами. Так бывает во сне или когда отведаешь перелет-травы.

– Как же так – я и там лежу, и здесь хожу, – сказал Жихарь, но голоса своего не услышал.

Он упорно держал направление на всадника. Вороной тоже двигался медленно, еле поднимая ноги, но поспеть за ним богатырь никак не мог. Вот впереди уже лишь черная полоска на сером окоеме... Потом полоска начала расти, словно всадник остановился и решил подождать. Жихарь начал нагонять его долгими плавными прыжками.

Жихарь еще раз оглянулся через левое плечо. Прошлая жизнь осталась на прежнем месте, в двух шагах. На постоянном дворе люди перестали гулять, но двигались стремительно, уложили тамошнего Жихаря на стол, сустились вокруг него, пробовали поднять...

Оглянулся через правое – опять ничего, темнота.

– Отгулял... – беззвучно сказал богатырь. Солнца здесь никакого не водилось ни на восходе, ни на закате, поскольку свет был ровный, серый, жидкий – об корягу на запнешься, зато и рассмотреть ничего толком не рассмотришь.

Черная полоска впереди все росла и доросла до того, что стало понятно: никакой это не всадник, а дерево от земли до неба. Богатырь с детства знал, что существует такое. Не знал только, что увидит его так рано.

«Отчего же мне и не дышится, и не говорится?» – спросил себя Жихарь и сразу вдруг понял, что тело его там, сзади, на разоренном столе, живет и дышит – но не видит, не слышит, не думает...

«А кто же я тогда такой?» – испугался Жихарь, похлопал себя по бокам и сообразил, что он теперь никто.

– Это все сонный морок! – закричал богатырь без голоса, чтобы утешить себя.

Дерево было уже совсем рядом, и Жихарь запрокинул голову, чтобы разглядеть верхушку. Устроено дерево было не по земным законам: одни ветви его (каждая ветвь – что добрая сосна) чернели голые и даже припорошенные снегом, с других свисали и капали весенние сосульки, на третьих набухали громадные почки, на четвертых светились яркой и неподходящей для этой серой страны зеленью листья, на пятых эти же самые листья желтели, краснели и время от времени слетали на землю, словно расшитые золотом и багрецом царские покрывала.

Долог и неспешен был их полет, а по очертаниям походили они на листья ясеня, хотя попадались и дубовые.

«Ничего себе!» – решил Жихарь.

Там, где сходились к стволу два корня, бил из земли чистый ключ, огороженный невысокой каменной кладкой. Три старухи в серых лохмотьях черпали воду золотыми ведрами и тут же выливали ее на землю – должно быть, чтобы корни не сохли.

– Глупые, – сказал богатырь, не слыша себя. – Вода так и так до корней дойдет, чего вам на месте не сидится?

Старухи поставили ведра и поглядели на Жихаря с недоумением – вроде услышали и поняли. Они стали что-то беззвучно кричать, махать на богатыря тонкими сухими руками. Жихарь плюнул без слюны, подпрыгнул, кое-как перелез через выступавший из земли корень и увидел, что с другой стороны в узловатую и на вид каменную древесину впился большими зубами мерзкий огромный червяк.

– Точи, точи, – хмыкнул Жихарь. – Век долгим покажется.

Червяк не обратил на героя никакого внимания. Да у него, кажется, и глаз-то не было.

А вот у дракона, вцепившегося в третий и последний корень, глаза были большие, навыкате, но и он, серый и грязный, глядел совершенно равнодушно – ведь если рядом никто, так на него и бросаться незачем, да оно, поди, и невкусное – никто...

Богатырь миновал дракона и увидел стволы малых деревьев. Стволы двигались, покрыты они были не корой, а рыжими иглами шерсти и заканчивались копытами – каждое с мельничный жернов.

Жихарь снова запрокинул голову и сообразил, что вовсе это не стволы, а ноги четырех оленей. Олени, отталкивая друг друга, хватали мягкими губами листья, норовя ухватить позелене.

Он отбежал подальше, чтобы не попасть под копыто, и тут разглядел свисавшие с дерева огромные человеческие ноги в кожаных лаптях.

Богатырь отошел еще. На самой нижней ветви, удавившись толстым ладейным канатом, висел волот-великан. Язык у великана вывалился едва ли не ниже густой бороды. Один глаз волота был закрыт, другого, видно, не было вовсе – иначе зачем нужна была висельнику при жизни черная повязка, как у морского разбойника?

Мало того, из груди волота торчало толстое и длинное древко копья, коим был он пригвожден к стволу.

«Ух ты! – промолвил молчком Жихарь. – Надежно с тобой распорядились, наверняка...»

Великан, словно бы услышав его, открыл глаз. Око было большое и ярое. Волот приподнял свисавшую руку и несколько раз двинул ладонью в сторону: дескать, проходи, не мешай, не до тебя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.